

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

КАНДАЛЫ ДЛЯ ЛИХОДЕЯ

Дела следователя Воловцова

Евгений Сухов

Кандалы для лиходея

«ЭКСМО»

2012

Сухов Е. Е.

Кандалы для лиходея / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2012 — (Дела следователя Воловцова)

У графа Виельгорского пропал главный управляющий. Уехал собирать деньги с имений и не вернулся. Граф обратился к московскому обер-полицмейстеру с просьбой разыскать пропавшего. Тот взял расследование под свой контроль и вскоре вышел на подозреваемого – некоего господина Козицкого из села Павловское. Именно там в последний раз видели пропавшего управляющего. Но тщательная проверка результатов не дала. Господин Козицкий был чист. Других подозреваемых найти не удалось, следствие забуксовало, а потом и вовсе заглохло. Но вдруг в деле об исчезновении главного управляющего появился свидетель...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Сухов

Кандалы для лиходея

Глава 1

Как камердинер Филимоныч графа Виельгорского будил, или Исчезновение главноуправляющего имениями Попова

Конец мая 1896 года

Граф Виктор Модестович Виельгорский не терпел рано вставать. Всякий раз приход утра воспринимался им как досадное недоразумение: ведь так хорошо было спать, нежась в мягкой постели, и видеть цветные сны, и тут – на тебе! – через плотные ткани портьер тусклым светом пробивается новый день, обещающий многочисленные заботы и треволнения. Уже проснувшись, Виктор Модестович долго лежал с закрытыми глазами, удерживая себя в приятной сладкой дреме, покуда не заходил в его спальню камердинер Филимоныч и не начинал, ворча что-то себе под нос, раздвигать бордовые бархатные шторы, пропуская в графскую спальню солнечный свет. Виктор Модестович морщился, приоткрывал один глаз и почти с ненавистью смотрел в согбенную спину старого камердинера. Так было всегда, так было и сегодня. Наконец, граф открыл оба глаза и с явной укоризной в голосе посетовал Филимонычу:

– Ну, что ты так рано, старик? Еще только рассвело...

– Ка-а-абы, только рассвело, – не оборачиваясь и продолжая заниматься шторами, ворчливо ответил камердинер. – Уж полдень скоро, барин, а вы все почивать изволите. А дела стоят не деланы.

– Какие дела, Филимоныч? – зевая, спросил Виельгорский.

– Разные, барские, – повернулся к нему камердинер. – К примеру, главноуправляющий вашими имениями господин Попов недели три как должен был уже вернуться, а его и посейчас нетути. А равно как и денежек с ваших имений. А ну как он не приедет вовсе – на что жить-то станете?

– Что значит «не приедет вовсе»? – озадаченно спросил Виктор Модестович и приподнялся на локтях. – Ты на что намекаешь, старик?

– Ни на что я не намекаю, ваше сиятельство, – ответил камердинер, подходя к постели графа. – А только сказываю, что главноуправляющего вашего нет, а он должен был заявиться уже недели как три. – Филимоныч уперся выцветшими глазами прямо в глаза своему барину. – Вот где он может быть?

– Ну, не знаю... На ярмарке, возможно, – неуверенно произнес Виельгорский, признавая в душе, что Филимоныч прав. Но показать ему это значило проявить слабость. Он и так в последнее время верховодит в доме, будто он в нем самый главный...

– А на какой ярманке? – не унимался старый камердинер.

– В Нижнем или даже Берлине...

– Это с такими деньжищами он станет по ярманкам таскаться? Да еще заграничным... Этот Попов что, полоумный? – задал резонный вопрос Филимоныч.

– Не смей так говорить о дворянине! – нахмурил брови граф. – Ишь, волю взяли...

– Мы воли не брали, барин, – быстро парировал замечание Виельгорского старик. – И не просили даже. Нам ее государь император Александр Николаевич высочайше пожаловали...

Виктор Модестович промолчал. Спорить с камердинером было бесполезно: есть такая порода людей, с которыми в спор лучше не вступать. Им хоть кол на голове теши, а своего мнения они не изменят. Филимоныч относился именно к таким людям.

– Хоть даже на ярманку, – буркнул скорее про себя камердинер и снова посмотрел в глаза графу: – А вы его рази на ярманки какие посылали? А?

– Нет, не посылал, – вынужден был признаться граф. – И что ты от меня хочешь? – уже устало спросил Виктор Модестович, усаживаясь на край постели.

– Чтобы вы сходили к обер-полицмейстеру, – ответил Филимоныч. – И объяснили ему: дескать, человек пропал с большими деньгами. Пусть разыскивают. Они за это жалованье получают.

– А если я сегодня заявлю, а назавтра он объявится? Что тогда? – теперь уже граф посмотрел на камердинера в упор, что, впрочем, не возымело на старика никакого воздействия.

– Заявится, и слава богу, – спокойно ответил Филимоныч. – Скажете, мол, поторопились. Извинения принесете за беспокойство. Делов-то... А Попова опосля накажете...

В словах старика, конечно, был резон. Действительно, Илья Яковлевич Попов давно уже должен был вернуться из своей ревизионной поездки по имениям графа, собрав доходы и предоставив ему отчет. А от него не было ни слуху ни духу, равно как и его самого. Такого никогда еще не случалось за все семь лет, как Попов стал главноуправляющим всеми шестью имениями графа Виельгорского.

Загулял?

На него такое не похоже. Попов в пристрастии к горячительным напиткам замечен не был. Дамы? К женскому полу относился более чем сдержанно, поскольку когда-то сильно был ими обижен. Лет двенадцать тому назад он влюбился в одну барышню по фамилии Шибуньская, и та, говорят, тоже была к нему равнодушна. Дело дошло даже до помолвки, и вот когда до венчания оставалось меньше месяца, эта Шибуньская изменила ему с каким-то пройдохой-ротмистром, чему Попов был почти свидетель.

Заявившись к девице с букетом белых роз за два часа до назначенного свидания, он застал парочку совершенно раздетыми у нее в спальне в тот самый момент, когда соитие их завершилось бурными криками и стонами с ее стороны и рычанием – с его.

– Илюша, ты? – только и смогла сказать Шибуньская, увидев жениха в проеме дверей, и зарыла лицо в подушки, покамест ротмистр одевался и приводил себя в порядок.

Попов не стал вызывать ротмистра на дуэль. Ведь, по сути, виноват был не он, а Шибуньская, которая попрала и помолвку, а вместе с ней честь господина Попова и его любовь к ней. «Сучка не захочет – кобель не вскочит». Такая поговорка как нельзя лучше отражала всю ситуацию, произошедшую с Шибуньской и ротмистром. Вследствие этого, не дождавшись, куда ротмистр оденется и покинет апартаменты Шибуньской, Илья Яковлевич молча снял обручальное кольцо и бросил его на столик у кровати. Услышав звук падающего металла и, догадавшись, что произошло, Шибуньская отняла лицо от подушек и с мольбой посмотрела на Попова:

– Илюша, ты все превратно понял... Мы только... Не уходи, прошу тебя... Илюша...

Женщина театрально простерла к нему руки, но Илья Яковлевич, развернувшись на каблуках, вышел из спальни, которая заполнилась рыданиями. Но они его уже мало трогали. С тех пор Попов с недоверием относился к дамам и не сходил ни с одной, хотя среди них встречались девушки достойные и могли составить ему пару. Как говорится, обжегшись на молоке, дуешь и на воду...

А может, Попов проиграл деньги в банк или штос и теперь боится показываться графу на глаза? Тоже маловероятно, поскольку Попов влечения к картам и вообще к азартным играм не имел и весьма ответственно относился к деньгам, как чужим, так и личным.

Случилось несчастье? А вот это вполне могло произойти. И камердинер, по сути, был прав, когда сказал ему, что надо обратиться в полицию. Только вот какое имеет право он, мужик, указывать, как поступать ему, графу Виельгорскому, предки которого несли дворянские службы в Царстве Польском и владели имениями на Волыни еще в середине четырнадцатого века?

– Ну что, барин, одеваться будем? – прервал мысли Виктора Модестовича Филимоныч. – Или, может, до заката будете мечтать?

Граф хмуро посмотрел на своего камердинера и ответил:

– Ступай, сам оденусь.

И принялся за свой туалет...

Глава 2

Виноватых без вины не бывает, или Порядочные люди не умеют просить за себя

Конец мая 1896 года

Тучи над головой обер-полицмейстера Власовского продолжали неумолимо сгущаться. Мало того, что трагедию на Ходынке после коронации новоиспеченного государя императора Николая Александровича повесили почему-то на него, так еще газетчики пронюхали, что погибли вовсе не тысяча триста восемьдесят девять человек, а более четырех тысяч. А ведь задавленных на Ходынском поле, мертвых и раненых, везли не по Петербургскому шоссе, а кругом, через Хорошево, чтоб от глаз иностранцев и репортеров-газетчиков подальше. Так распорядился его высочество Сергей Александрович...

Пронюхали все-таки щелкоперы! И пошла статья за статьей, где его поносили все кому не лень. Дескать, главный виновник трагедии он, московский обер-полицмейстер Власовский. Теперь ему точно не сносить головы. И заступничество вдовствующей матушки императрицы не поможет, которая всегда относилась к нему благосклонно. А не он ли предупреждал великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора московского, о возможности такого исхода?

– Ведь затопчут они друг друга, ежели им разрешить такие гуляния, да еще с дармовым угощением, – говорил Александр Александрович его высочеству, – поскольку народ наш на дармовщинку крепко падок, ломиться начнет, а на поле рвы да волчьи ямы не засыпаны.

– Так засыпьте, – спокойно отвечал великий князь.

– Какими силами, ваше высочество? Дайте хоть солдат парочку рот.

– Солдаты нужны для парадов, – отрезал Сергей Александрович. – Обходитесь своими силами.

А какими прикажете силами? Теми, что остались в его распоряжении? Архивариусы да бумагоперекладыватели? Три десятка полицейских чинов, которые и лопаты-то в руках никогда не держали? Ведь весь огромный штат московских полицейских, самых деятельных и могущих, был задействован по охране мест проезда и проживания иностранцев и прочих высокопоставленных гостей Москвы, которых было не счесть, по устному распоряжению самого Сергея Александровича. И как же он, Власовский, мог пренебречь распоряжением своего непосредственного начальника?

Восемнадцатого мая, по первому солнцу, едва глотнув кофею и не обещая супруге явиться ни к завтраку, ни к обеду, обер-полицмейстер отправился на Ходынское поле. Болела душа, ломило сердце, предчувствуя беду. И она случилась... К Ходынке можно было проехать только через волостное село Всехсвятское Московского уезда. То, что он увидел, сразу сообщило о масштабах катастрофы. Вопли, стоны и проклятия слышались отовсюду и сливались в один протяжный гул, от которого забегали по коже мурашки. И всюду была пыль. Она стояла столбом от тысяч и тысяч бегущих ног. Казачий кордон был с легкостью смят и затоптан. Власовский переглянулся со своим помощником Рудневым и увидел в его глазах ужас.

– Вот что, – обратился к своему помощнику Власовский. – Вы попробуйте осадить толпу и позаботьтесь о раненых. Пошлите кого-нибудь объявить тревогу в пожарные команды. Пусть мчатся сюда с обозами и везут раненых в больницы. А трупы в морги, – добавил Власовский. – Я мчусь к губернатору. Буду просить помощь.

...Адъютант ни в какую не желал будить великого князя. Наконец, часу в восьмом градоначальник пробудился и вышел, пахнув на Власовского таким похмельным амбре, что обер-полицмейстеру стало дурно.

После нескольких минут препирательств с августейшим градоначальником Власовскому удалось все же выпросить у него три роты солдат. Правда, нестроевых. Но было уже поздно...

Несмотря на то, что афиши о народном гулянии на Ходынском поле и бесплатной выдаче подарков в честь коронации государя императора Николая Второго были расклеены по городу только 17 мая, уже 16 мая народ из Москвы и ее пригородов стал стекаться на Ходынку и «занимать места» поближе к выстроенным ста пятидесяти буфетам. В пять часов пополудни 16 мая комендант Ходынского лагеря капитан Львович, имеющий в своем распоряжении до полусотни солдат-караульных и дюжину казаков, опасаясь столь мощного наплыва народа, телеграфировал в распорядительное отделение канцелярии обер-полицмейстера о скоплении народа на Ходынском поле и просил прислать «для поддержания должного порядка» три десятка казаков и несколько околоточных надзирателей. Власовскому о просьбе капитана Львовича доложили, но где ему было взять казаков? Александр Александрович немедленно снесся с генерал-губернатором и получил отказ. «Людей нет, все задействованы на празднествах», – таков был ответ Сергея Александровича.

Люди гуляли, пели песни, веселились; звуки гармоники раздавались то тут, то там. Многие пришли с семьями, детьми в расчете получить побольше подарков.

К десяти вечера 16-го числа скопление людей стало принимать угрожающие размеры, а к полуночи, по сведениям капитана Львовича, толпу людей можно было считать уже десятками тысяч. К утру 17 мая на Ходынском поле собралось уже несколько сотен тысяч человек. А народ между тем продолжал прибывать. Несколько урядников и квартальных надзирателей, откомандированных в распоряжение лагерного коменданта Львовича, конечно, с такой ситуацией не справлялись.

Несколько раз Власовскому телефонировал по поручению министра императорского Двора кремлевский полицмейстер подполковник Солини. Прибывший вечером 17 мая на Ходынокое поле, Казимир Иванович ужаснулся людскому столпотворению и телефонировал министру Двора графу Воронцову-Дашкову, что четырехсот тысяч подарков, приготовленных к выдаче москвичам по случаю коронации государя императора Николая Александровича, может не хватить. Министр распорядился учредить казачьи кордоны, дабы закрыть доступ на Ходынокое поле, о чем полицмейстер Солини и телефонировал обер-полицмейстеру.

– И где я найду вам казаков? – едва не заорал на подполковника Солини Александр Александрович, однако же поспешил в театр, где находился в это время великий князь и по совместительству московский генерал-губернатор, не без труда проник в его ложу и выпросил-таки сотню казаков для оцепления Ходынки.

Эта сотня казаков была прислана вместе с полицмейстером полковником бароном Будбергом и чиновником особых поручений подполковником Померанцевым в распоряжение капитана Львовича. Передав казаков коменданту Ходынки, Андрей Романович Будберг и подполковник Померанцев преспокойно отъехали в Москву почивать.

Казаки с народом не справились. Тогда лагерный комендант Львович по личному почину вызвал для охранения буфетов и поддержания порядка на поле сначала роту Самогитского полка, а затем еще и батальон Московского полка. Но «внедриться» в толпу народа солдаты не смогли: люди были столь спрессованы, что некоторые шустряки, дабы пробраться к буфетам поближе, вскарабкивались на плечи друг друга и уже по головам стоящих сплошной массой людей добирались до проходов к буфетам.

От дыхания такого количества людей над полем повисло облако, для многих кажущееся зловещим. Из толпы стали выбрасывать первые трупы мужчин и женщин, задавленных насмерть. На линейках они отвозились в больницы или морги, но это были лишь «цветочки». «Ягодки» начались позже, когда количество людей на поле достигло полумиллиона человек и стало ясно, что на всех подарков не хватит...

– Надлежит немедленно начать раздачу угощений, иначе они все снесут! – орал в телефонную мембрану капитан Львович, уже доведенный до белого каления.

– Я не могу отдать такого распоряжения! – заорал в ответ Александр Александрович. – Есть приказ начать раздачу подарков в десять утра. Снесите с начальником «Особого установления» его превосходительством Бером! Он там всем командует.

Действительный статский советник Бер, каковому Министерством Императорского Двора было поручено устройство народного праздника, прибыл на Ходынское поле в пять утра. Когда он обходил буфеты и на его глазах толпа выкинула в один из межбуфетных проходов труп раздавленного мужика с выпученными глазами и вывалившимся языком, он, перекрестившись, разрешил начать выдачу подарков и угощений.

Вот тут-то и началось то, что увидели обер-полицмейстер Власовский с помощником Рудневым, когда приехали по первому солнышку на Ходынское поле...

И вот он под следствием. И с ним производит дознание судебный следователь по важнейшим делам, статский советник Кейзер. А коли заварилось следствие и дознание, стало быть, возможен и суд, и уж точно увольнение с должности, так и не дождавшись генерал-майорского чина.

А не он ли, полковник Власовский, как только вступил в должность московского обер-полицмейстера в 1891 году, водворил в Москве порядок, которого никогда не было даже при генерале Козлове в бытность его обер-полицмейстером?

Не он ли искоренил царящее в полиции кумовство и взяточничество? Выгнав из полицейских частей и участков Москвы ко псам нечистых на руку приставов и квартальных надзирателей и набрав новых, строжайше запретив брать, под угрозой уголовного наказания, даже подношения в виде штофа водки или куска пирога.

Не он ли, полковник Власовский, заставил домовладельцев под страхом бьющего по карману штрафа и ареста на срок от одного до трех месяцев вычистить наконец выгребные и помойные ямы, сделав Москву в буквальном смысле слова чище?

Не он ли отрегулировал извозчицье движение по Москве, обязав кучеров держаться правой стороны и не слезать с козел во время остановок? Не он разве выставил городских на перекрестки, с тем чтобы следили и регулировали уличное движение, оторвав их от разлюбезных бесед с кухарками и прочей домовой прислугой?

Не он разве, предприняв невероятные усилия и дойдя до самого генерал-губернатора, обновил и модернизировал пожарный парк, на что вовсе не обращал никакого внимания прежний обер-полицмейстер Козлов? Э-эх!

Естественно, не всем нравились его нововведения. Крутые и энергичные действия Сан Саныча заставили говорить о нем всю Москву, а кое-кто просто спал и видел, как его выпроваживают с должности. Ну вот – пожалте – дождались. Радуйтесь теперь, злыдни. Теперь он единственный виноватый в произошедшей трагедии на Ходынском поле.

Александр Александрович поднял взор на судебного следователя:

– Я что, единственно виноватый в ходынской трагедии?

– Действия членов «Особого установления» действительного статского советника Бера, гражданского инженера, архитектора Николя, чиновника особых поручений «Особого установления» полковника Иванова и титулярного советника Петрова тоже находятся в сфере нашего внимания, – вполне дружелюбно ответил Кейзер. – Но речь в данный момент идет конкретно о вашем участии или неучастии в этом деле, господин обер-полицмейстер. И этот вопрос крайне важный в определении вашей вины в столь ужасной трагедии.

– Так, стало быть, не я один виновен в том... что произошло? – посмотрел на судебного следователя Власовский.

– Не вы один, – признал Кейзер.

– Это радует, – констатировал Александр Александрович. – Но всех собак вы все же повесите на меня, так? – Власовский с прищуром посмотрел на следователя и добавил: – Как же: обер-полицмейстер отвечает за все! Вот уж иные многие возрадуются! Нет, возликуют! Особенно нерадивые владельцы домов и усадеб, некоторые полицейские чины и поголовно все московские извозчики...

– Без вины виноватых не бывает, господин обер-полицмейстер, – задвигал бумагами, разложенными на столе, судебный следователь по особо важным делам. – Итак, с вашего позволения, давайте продолжим: площадь для народного гуляния не была ограждена забором с устройством надлежащего числа выходов и входов, что препятствовало бы излишнему поступлению людей на площадь гуляния и предупредило бы встречное движение толп народа к буфетам. Кроме того...

– Устройство заборов и ограждений входило в обязанности «Особого установления», – парировал претензию судебного следователя обер-полицмейстер Власовский, не дав следователю договорить. – Это инженерный архитектор Николя должен был устроить и забор, и выходы-входы, но никоим образом не я.

– Должен был, – кивнул Кейзер. – А вы обязаны были проследить за этим, и ежели работы не были закончены – дать знать.

– Кому дать знать? – не без иронии спросил судебного следователя полковник Власовский. – Этому самому инженеру Николя? А сам он разве об этом не знал?

– Не только господину инженеру Николя, – ответил судебный следователь по важнейшим делам и, немного помолчав, произнес: – Господину генерал-губернатору, к примеру.

– Генерал-губернатору? – не без иронии переспросил Александр Александрович. – А разве вы не знаете... – Тут Власовский хотел добавить, что ему, одинаково, как и любому другому, чем жаловаться великому князю и что-либо просить у него, легче сделаться балериной Императорского театра и танцевать Офелию. Поскольку мало того, что к Сергею Александровичу не пробиться, а тем более что-либо выпросить для дела, так еще и головомойку немалую можно схлопотать незаслуженно за причиненное его высочеству «беспричинное» беспокойство.

Хотел, но не сказал. А к чему? Ведь генерал-губернатору древней столицы уже официально и публично была объявлена благодарность от государя императора «за образцовое проведение торжеств по случаю коронации». И сколь ни ищи генерал-губернаторской вины в случившемся на Ходынском поле, он все равно останется чист, как младенец. Дядя государя императора не может быть ни в чем виновен по определению...

– Что, прошу прощения, я должен знать? – спросил судебный следователь по особо важным делам.

– Ничего, сударь, – не очень вежливо буркнул Власовский и уперся взглядом в окно.

– Хорошо. – Кейзер на грубость обер-полицмейстера поморщился, но, похоже, понял ее подоплеку и промолчал. – Кроме того, – продолжил он обвинительную часть дознания, – к вам трижды обращались чины «Особого установления» его превосходительство господин Бер, чиновник особых поручений полковник Иванов и титулярный советник Петров с предложением совместно обсудить меры об охране благочиния и безопасности во время проведения народного гуляния на Ходынском поле. А вы что им ответили? – строго посмотрел на собеседника судебный следователь, как смотрит учитель на нерадивого ученика.

– И что я им ответил? – перевел взгляд от окна на Кейзера Александр Александрович.

– Вы ответили им, что забота о порядке во время проведения народного гуляния по случаю коронации государя императора касается исключительно полиции и вас одного, как обер-полицмейстера Москвы.

– Верно, – подтвердил Власовский ядовито. – А чем они могли мне помочь? Своей пустой болтовней?

На это уже не нашелся что сказать сам судебный следователь.

– Так просто сотрясать воздух я и сам умею, – добавил Александр Александрович. – А вот касательно дела... – Власовский не договорил и обиженно смолк.

Кейзер снял, потом снова надел большие очки в роговой оправе. Ему самому не нравилось делать то, что ему поручили. Сваливать всю вину на одного обер-полицмейстера, пусть даже он и хамоват и многим не нравится, – это уж слишком! Нет, «Дело полковника Власовского» – его последнее дело. А потом – в отставку. Хватит с него...

– Еще вменяется вам в вину то, что вы лично не присутствовали на поле во время прилива туда народа, а стало быть, и не приняли никаких мер по размещению на поле людей, что исключило бы давку и дальнейшую растерянность, а также и озлобление толпы. Таковое преступное бездействие московской полиции...

– А при чем тут, прошу прощения, московская полиция? – не выдержал нового напора Кейзера Власовский. – Местность, где произошла давка народа, находится в ведении третьего стана Московского уезда и к Москве никакого отношения не имеет.

– Значит, вы, господин обер-полицмейстер, вместе с уездным исправником и становым приставом должны были обеспечивать порядок на поле! – едва не взорвался судебный следователь. – Вот господин генерал Козлов приехал же на Ходынку, чтобы обеспечивать порядок, хотя давно уже как сложил с себя обязанности московского обер-полицмейстера. Поскольку он не мог оставаться равнодушным к возникшим беспорядкам и у него болела душа...

– Ну и что, обеспечил ваш генерал Козлов порядок? – посмотрел прямо в глаза Кейзеру Александр Александрович. – Там вообще ничего нельзя было поделать.

– Почему это вы так категоричны? – посмотрел на Власовского поверх очков Кейзер.

– Потому что народ так воспитали... Потому что угощение и подарки, которые намечалось раздать людям, – дармовые! А когда дают что-либо задарма, у нас всегда случается нечто подобное. Это как наводнение или ураган – ничего не поделаешь, хоть ты тресни. Понимаете меня? – сказал Александр Александрович.

– Как я вижу, с вами разговаривать бесполезно, – уже с видимым раздражением подвел итог дознания судебный следователь. – Вам в вину вменяется бездействие и халатное отношение к своим служебным обязанностям, приведшее к особо важным и печальным последствиям, что подпадает под действие статьи четырехста одиннадцатой и части второй статьи триста сорок первой Уложения о наказаниях. Вам это понятно, господин обер-полицмейстер?

– Более чем, – ответил Власовский.

– Тогда распишитесь здесь, – Кейзер указал на место протокола пальцем, – и здесь. И прошу вас не покидать город.

Судебный следователь по особо важным делам поднялся, глянул на портрет государя императора Николая Александровича, висевший в кабинете Власовского прямо над его головой, вздохнул и произнес:

– Прощайте, господин обер-полицмейстер, – Кейзер поднялся со стула.

– Что будет дальше? – вместо обычного прощания спросил Александр Александрович.

– Дальше я передам ваше дело в распоряжение господина прокурора Московской судебной палаты.

– А дальше? – тоже встал со своего кресла Власовский.

– Я не знаю, – просто ответил Кейзер.

– Но обер-полицмейстером мне больше не бывать? – продолжал спрашивать Александр Александрович.

– Полагаю, что да, – ответил судебный следователь. – Прощайте.

– Прощайте, – в тон ему ответил полковник Власовский и устало плюхнулся в кресло.

* * *

Секретарь постучал неслышно. Потом вошел и не решился заговорить, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства. Он так и стоял в дверях, покуда Власовский не заметил его и не произнес:

– Что еще?

– К вам граф Виельгорский, господин обер-полицмейстер.

– Зачем? – неожиданно для себя спросил Александр Александрович. А потом вспомнил, что он еще остается обер-полицмейстером Москвы, а должность эта обязывает принимать посетителей в рабочее время суток. Причем его сиятельство граф Виктор Модестович Виельгорский был еще и соседом: его усадьба стояла буквально наискосок от так называемого «Дома московского обер-полицмейстера» на Тверском бульваре.

«Вот и дом этот скоро придется освободить», – подумалось Власовскому. Вслух же на ответ секретаря, что господин Виельгорский прибыл по неотложному делу, Александр Александрович произнес:

– Приси.

– Слушаюсь...

Виктор Модестович в своих мягких штиблетах, похожих на домашние тапочки, над которыми потешалось пол-Москвы, неслышно прошел по ковру и остановился у стола хозяина кабинета.

– Доброе утро, – сказал Виельгорский и протянул Власовскому руку. – Какая сегодня замечательная погода, верно?

«Да какая погода, – хотел было ответить Александр Александрович, пожимая вялую ладонь графа. – Да и утро вовсе не доброе, и не утро уже, а полный день давно», – но промолчал и вместо этого сказал:

– Да-а... Присаживайтесь, Виктор Модестович.

– Благодарю, – учтиво произнес граф и нерешительно присел на краешек кресла.

– Что вас привело ко мне в столь... ранний час? – посмотрел на Виельгорского обер-полицмейстер. Ему нравился этот человек, тихий, спокойный и добродушный, хотя сам Власовский был полной противоположностью гостя. Так бывает: совершенно разные по характеру и не имеющие ничего общего люди испытывают симпатию друг к другу, на первый взгляд ни на чем не основанную. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле между такими разными людьми есть что-то общее, что и притягивает их друг к другу. В данном случае это была честность...

– Понимаете, Александр Александрович, – начал, немного тушуясь, Виельгорский, – у меня пропал управляющий. Вернее, главноуправляющий всеми моими имениями. Поехал с ревизией имений и... пропал. Три недели, как он должен был вернуться. Филимоныч сказал, чтобы я обратился к вам, вот я и... обращаюсь.

– Кто этот – Филимоныч? – спросил покуда еще обер-полицмейстер и посмотрел на графа.

– Это мой камердинер, – еще более стушевался Виктор Модестович.

– А-а, – протянул Власовский. Он хотел улыбнуться – камердинер командует своим баринном и говорит, что ему делать, – но счел это неуместным. Так бывает в старых дворянских домах Москвы, где камердинеры служат десятилетиями и выполняют роль и слуги, и дядьки. – Так этот ваш главноуправляющий должен был вернуться из ревизии имений с деньгами?

– Именно так, – подтвердил граф. – Но вы не подумайте, он человек честный, и чтобы он мог позволить себе присвоить чужие деньги, так это совершенно противоестественно и его характеру, и...

– Я покуда ничего не думаю, – не дал договорить гостю обер-полицмейстер. Он уже все понял: либо этого главноуправляющего убили, либо тот сбежал с деньгами, скажем, в Варшаву и далее благополучно перебрался за границу, и скорее всего, с любовницей...

– А сколько он должен был привести денег? – задал существенный вопрос Власовский, входя в роль полицейской ищейки, каковым, собственно, он и являлся.

– Семьдесят тысяч или около того, – ответил Виельгорский.

– То есть точную сумму вы не знаете? – поинтересовался обер-полицмейстер.

– Точная сумма могла быть установлена только после ревизии имений, – ответил граф. – Господин Попов, мой главноуправляющий, – пояснил Виктор Модестович, – с тем и поехал, чтобы провести эту ревизию и привезти мне отчеты и деньги.

– Ясно, – невесело произнес Власовский. – Что ж, попробуем разыскать вашего Попова, если он уже не в Ницце или не прохлаждается на Лазурном Берегу Франции с какой-нибудь молоденькой пышногрудой мамзелью, не обремененной моральными условностями...

– Что вы, что вы! – всплеснул руками Виктор Модестович. – Господин Попов – честнейший и благороднейший человек! Он никогда бы не позволил себе совершить подобное. Кроме того, он служит у меня восьмой год, и ему приходилось возить мне и более крупные суммы. И всегда все было копеечка в копеечку.

– Вы сказали: крупные суммы. А насколько крупные? – снова задал вопрос обер-полицмейстер.

– Он привозил мне и девяносто тысяч, и даже сто, – не сразу ответил Виельгорский. Было сразу видно, что человек он непрактический и счета деньгам не знает. А деньги, и верно, немалые. С такими сбежать – для некоторых одно удовольствие и неодолимый соблазн. Жить на них можно потом до скончания века и даже больше. То есть еще и детям останется, ежели они, конечно, имеются...

– У этого Попова есть семья, супруга, дети? – поинтересовался обер-полицмейстер.

– Нет, – ответил граф.

– Любовница, содержанка? – продолжал вести дознание Александр Александрович.

– Н-нет, – не очень уверенно ответил Виктор Модестович и печально улыбнулся, что не ускользнуло от внимательного взора Сан Саныча. Впрочем, от его взора никогда и ничего не ускользало...

– Нет или не знаете? – уточнил свой вопрос главный полицейский Москвы. То есть покуда главный. А это означает, что он на службе. И будет служить, пока ему не укажут на дверь, что, по всей вероятности, в скором времени и произойдет...

– Я, конечно, не знаю, – осторожно начал Виельгорский, поскольку тема было весьма деликатного и даже щекотливого свойства. – Но мне думается – нет, поскольку у него была одна женщина, которая его... обманула. И после этого... – Граф замолчал, не зная, как сказать.

– И после этого он с женщинами... был крайне осторожен, так? – подобрал-таки деликатные слова для обозначения означенной ситуации Александр Александрович.

– Именно так, – согласился с обер-полицмейстером Виктор Модестович, облегченно выдохнув.

– Ясно, – констатировал Власовский и на короткое время замолчал.

– И что мы будем делать? – поднял на него глаза граф Виельгорский, прервав паузу.

– Мы? – внутренне усмехнулся Александр Александрович. – Мы начнем расследование. И для этого вам непременно надлежит вызвать к себе управляющего того имения, которое Попов ревизировал последним, после чего и пропал. Только не затягивайте с этим делом, граф, поскольку меня... меня могут перевести.

– Это было бы весьма печально, – так отозвался на последнюю фразу Виктор Модестович.

– Мне тоже, – признался полковник Власовский. – Итак, вы вызываете как можно скорее управляющего последнего имения, которое посетил ваш честнейший и благороднейший

господин Попов, и разговариваете с ним на предмет, когда этот Попов у него был, сколько вез денег, когда уехал из имения и кто этому был свидетелем. А потом с ним поговорю я... Только, когда будете его вызывать, не говорите о пропаже вашего главноуправляющего. Назовите ему какую-нибудь иную причину. Мол, отчетность желаете проверить или еще что. А то он готовится, что ему отвечать, а что нет, и это будет не дознание, а игра в кошки-мышки...

– Я вас понял, – ответил граф Виельгорский, поднимаясь с кресла. – Благодарю вас за участие, господин полковник. Сегодня же велю телеграфировать в Павловское, чтобы управляющий немедленно прибыл ко мне с подробнейшим отчетом.

– Вот и славно. А далеко это ваше Павловское? – поинтересовался Сан Саныч.

– Нет, в Рязанской губернии, днях в двух от Москвы, – ответил Виктор Модестович.

– Значит, мы прощаемся всего на два дня, – улыбнулся графу обер-полицмейстер. Он был уже в «своей тарелке», ведь любое дело успокаивает и снимает душевный груз текущих неприятностей. – Как только приедет этот ваш управляющий, дайте мне знать.

– Непременно, – ответил граф Виельгорский и, попрощавшись с любезнейшим Александром Александровичем, покинул его кабинет. Ему было неловко: он, как и все порядочные люди, умел просить за кого-то и не умел просить за себя.

Глава 3

Последний из Виельгорских, или Разъединственная мысль

Самый конец мая 1896 года

Виктор Модестович был последним из славного рода графов Виельгорских, происхождения польско-литовского, известного по летописям ни много ни мало еще с середины четырнадцатого века. А ведь еще пятьдесят лет назад их – Виельгорских – насчитывалось шестеро: были живы два дяди-музыканта, Михаил и Матвей Юрьевичи, и дети Михаила от Луизы Бирон: Аполлинария, Софья, Михаил и Анна.

Первым умер во цвете лет Михаил Михайлович, статский советник тридцати трех лет, от чего пошатнулось здоровье и самого Михаила Юрьевича. Пережил он сына всего-то на одиннадцать месяцев и скончался в Петербурге в чине кравчего, то бишь, по нынешним меркам, в придворной должности обер-шенка, чина второго класса.

В 1861 году ушла в мир иной Анна Михайловна, будучи супругой князя Александра Шаховского, тайная и несбыточная страсть известного сочинителя Николая Гоголя.

В 1866 году в Ницце почил в бозе Матвей Юрьевич, сенатор и виолончелист, исполнявший музыкальные вещицы на виолончели Страдивариуса. Ее он перед смертью завещал композитору Карлу Давыдову, будущему директору Санкт-Петербургской консерватории.

Потом бранный мир покинула Софья Михайловна, в супружестве Соллогуб, а двенадцать лет назад ушла и Аполлинария Михайловна Веневитинова, супруга брата известного стихосложителя.

Виктор Модестович остался один. Имена Матвея Юрьевича и сына Михаила Юрьевича – Михаила Михайловича – перешли в его юридическое владение, поскольку Вельгорские и Велегурские были хоть и родственны Виельгорским, но все-таки других ветвей, а потому в наследовании недвижимости умерших и уж слишком дальних родственников никакого юридического и морального права не имели. А ветвь графа Юрия Виельгорского, к которой принадлежали все Виельгорские, – пресеклась. Хотя нет, он-то, Виктор Модестович, еще остался. Хотя и был, к сожалению, бездетен.

Вместе с двумя именными, что достались от отца, Модеста Юрьевича, во владение графа Виктора Модестовича перешли одно имение дяди Матвея и два имени двоюродного брата Михаила Михайловича, в том числе и поместье Павловское в Рязанской губернии. Оно-то и являлось последним, которое должен был посетить с ревизией главноуправляющий всеми именными графа Виктора Модестовича Виельгорского господин Илья Яковлевич Попов перед самым отъездом в Москву.

– Значит, так, старый, – сказал Филимонычу вернувшийся от обер-полицмейстера Власовского Виктор Модестович, – ступай-ка ты на телеграф и вызови ко мне безотлагательно моего управляющего павловским имением... этого... как его... Киржацкого... Кирмацкого...

– Козицкого, – подсказал барину камердинер с некоторой укоризной. Вот ведь до чего беспутая голова: не помнит фамилию одного из тех, кто тебя кормит. Ну, что с таким баринком поделаешь?!

– Да, господина Козицкого, – повторил за Филимонычем Виктор Модестович. – Скажи ему, чтобы прибыл как можно скорее, поскольку... поскольку...

– Поскольку Попов пропал? – снова подсказал Филимоныч.

– Нет, – раздумчиво произнес Виельгорский, вспомнив, о чем его предупреждал Власовский. – Скажи, барин-де отчетность желает проверить. За последние два года. Да, именно так.

– Еще какие-либо распоряжения от вашего сиятельства будут? – спросил камердинер, вытянувшись в струнку, ежели можно так сказать применительно к старику.

Виктор Модестович с некоторым недоумением и недоверием посмотрел на Филимоныча:

– А ты чего так со мной разговариваешь?

– Недопонял, ваше сиятельство, – сморгнул камердинер.

– Сиятельством меня называешь, – пристально глянул на Филимоныча Виельгорский. – Распоряжений требуешь. А не далее как утром поносил меня, ворчал и прямо командовал мною...

– Так то ж для дела, ваше сиятельство, – преданно глядя в глаза барина, отвечал камердинер. – Чтобы оно сдвинулось. А теперича, когда я вижу, что дело стало двигаться, пошто же мне на вас ворчать? – с великим удивлением произнес Филимоныч. – Да и не командовал я николи вами. Разве ж слугам положено барами командовать? – Филимоныч переменял тон на крайне возмущенный и даже негодующий. – Это что ж тогда получится? Несуразица какая-то. Ежели, стало быть, слуги барами станут командовать. Не-е-ет, ваше сиятельство, слугам барами командовать никак не можно. Потому как такое дело будет противуестественно, то есть против естества, Богом, природою и государем императором нашим установленно...

Камердинер снова сморгнул. Хитрый он был, бестия, хоть и старый. И любил пошутить. А над кем шутить, ежели во всем доме он да граф. Да еще кухарка Марфа. Но она не в счет: тупая как валенок. Глупая то есть. С такой шутки шутковать неинтересно.

Виельгорский скосил на него глаза. Ишь, умничает. Разошелся, старый. Вот шельма: с барином своим, с графом Российской империи, шуткует. Ну, погоди ж ты у меня... А впрочем, старик он неплохой. Да и дело свое знает превосходно. Пусть себе... Сколько он в камердинерах? Лет тридцать? Да, пожалуй, что поболее будет. Его ведь еще батюшка покойный, царствие ему небесное, произвел из старших лакеев в камердинеры. А годов-то ему сколько? Граф непроизвольно хмыкнул и отвел от Филимоныча взор: наверное, за шестьдесят... Да нет, более. Под семьдесят – точно. Если не за семьдесят... Ладно, не до счету тут.

– Ступай себе, – отмахнулся граф.

– Так, стало быть, более никаких распоряжений от вашего сиятельства не поступит? – спросил Филимоныч.

– Не поступит, – в тон камердинеру ответил Виктор Модестович.

– Стало быть, я пошел?

– Иди же!.. Да, вот что, старик, – остановил его уже в дверях Виельгорский. – Ты меня, когда мы не на людях, вашим сиятельством не зови, пожалуйста.

– Это отчего же? – прищурил выцветшие глаза Филимоныч.

– Не зови, и все, – отрезал граф.

Но Филимоныч его резкого тона не принял:

– Да отчего же, ваше сиятельство, не звать вас вашим сиятельством? Ежели б я, к примеру, был бы графом, то непременно бы заставлял всех своих слуг величать меня никак не иначе, нежели «вашим сиятельством». Это же... звучит! Нет, ваше сиятельство, – продолжал шутковать старик, – я вас непременно буду звать так, поскольку преисполнен уважения и почтения и помимо прочего...

– Не зови, я сказал! – повторил граф, перебив камердинера, и даже притопнул ногой. – Неловко мне... Да и... ступай ты наконец!

– Слушаюсь! – произнес бодро камердинер и хотел было добавить «ваше сиятельство», но передумал.

Во-первых, потому, что во всем, даже в шутках, нужно знать свою меру. А во-вторых, незачем почем зря злить барина. Он хоть и граф, а все равно что дитя. Рохля, одним словом, хотя уже за сорок годков пробило. А еще добрый он, что по нынешним временам качество весьма редкое...

* * *

Самсон Николаевич Козицкий пребывал в любовной истоме. А все Настька... Чудо-девка! До чего сладка, зараза, просто спасу нет. Вот сейчас вроде и силы на исходе, да и желание на нуле, а посмотрит эдак с хитринкой или нет, с призывом в глазах, тронет за грудь, проведет ласково по дремлющим чреслам – и вот, нате вам! Опять возгорается желание.

Славно! Нет, господа, что ни говорите, а женщина – самое настоящее чудо природы. Пусть даже это будет деревенская девица вроде Настьки. Высокая грудь, без единого изъяна лицо, длинные крепкие ноги... Ведь от всего этого голова идет кругом, наступает дрожание в коленках и появляется холодок в животе! А округлые линии женских форм? Ведь именно они сводят с ума мужчин, поскольку сокрыты одеждами, что заставляет усиленно работать воображение и домысливать о пикантностях женской фигуры.

Самсон Николаевич повернулся на бок и положил ладонь на бедро Настасьи, а лицом уткнулся в ее грудь. Она пахла сеном и яблоками.

До чего же сладкая баба! Нет, не баба. Настасья на бабу не похожа. Бабы вон с коромыслами по селу ходят. Семечки лузгают. Сплетничают. Лаются меж собой. А эта не такая. Есть в ней что-то затаенно благородное, что ли. Даже непонятно, откуда среди навоза такая краса выискалась.

Козицкий помял грудь Настькину, придвинувшись еще теснее, и тут в окошко флигеля легонько стукнули.

– Не обращай внимания, – сбившимся дыханием шепнул Козицкий Настасье, которая от звука встрепенулась и наострила ушки. – Нас здесь нет.

– Да как же нет, когда все знают, что вы здесь, – шепнула она Самсону Николаевичу в самое ухо, обдав его щеку жарким дыханием. Похоже, что ей тоже было сладко с таким мужчиной, как Козицкий.

Стук повторился уже настойчивей.

– Господин управляющий! – проговорил громко за окном голос.

– Вот ведь неймется кому-то, – в сердцах произнес Козицкий и приподнялся, дабы взглянуть в окно. Но оно было зашторено, и пришлось вставать. Настрой был испорчен, так что ничего не оставалось делать, как растворить штору и столкнуться через два стекла с виноватым взглядом Никанора Ивановича, помощника телеграфиста, которому в обязанность входило разносить телеграммы. На вопросительный взор Козицкого Никанор Иванович помахал телеграфным бланком и добавил:

– Вам срочная телеграмма!

Козицкий приподнял брови, что могло означать как удивление, так и легкий испуг. Он распахнул окно, расписался в получении послания и принял небольшой плотный лист. Когда он прочитал содержание этого листа, брови его опустились на место.

– Что там? – заинтересованно спросила Настасья, поскольку, будучи его сожительницей, полагала, что имеет право знать, как обстоят дела у ее мужчины и что его беспокоит. А то, что Козицкий обеспокоен, было заметно.

– Граф Виельгорский требуют приехать с отчетом...

– И чо? – приподнялась на локтях Настасья.

– Да ничо! – передразнил ее Самсон Николаевич. – Ехать надо, вот и все!

– Ну так едь, коли надобно, – резонно заметила ему женщина и стала одеваться.

Козицкий пристально посмотрел на нее. Вот ведь бабы, а? Все им нипочем, а на вид – такие нежные и мягкие создания...

«А-а, – подумал Самсон Николаевич, – завтра поеду. Надо еще отчеты вечером до ума довести...»

– А ты что это одеваешься? – посмотрел на любовницу Козицкий.

– А что? – вопросительно посмотрела на Самсона Николаевича Настасья, словно не поняла вопроса. Но одеваться перестала.

«Вот ведь бестии, – подумалось Козицкому, – до чего ж хитры! С этой Настасьей надо быть поосторожнее, никогда не знаешь, что у нее там на уме». И то была последняя более-менее здравая мысль, поскольку кровь прилила к голове и тотчас прогнала все думки. Кроме разьединственной, про которую говорить вслух не принято.

Глава 4

Проштрафился? В паскудку! Или отчего тушевался граф Виельгорский

Самое начало июня 1896 года

Обер-полицмейстер Александр Власовский тщательно побрился, чернящие усы без единого седого волоска подкрутил колечками, взгляд строгий – дескать, все вижу, все примечаю! – и сел в свою пролетку на паре с пристяжной, – это когда одна гнедая запряжена в оглобли, а другая пристегнута справа на свободных постромках. Да непременно рысью, с ветерком! А рядом на сиденье с грозным обер-полицмейстером – полицейский чин в статском из канцелярских бумагоперекладывателей, но с каллиграфическим почерком. Это чтобы всех нарушителей порядка, будь они хоть статские советники, да хоть и генералы – брать на карандаш! Записывать в особую книжку, которую зловерды да нарушители благочиния и должного устройства прозвали «паскудкой». Чтобы все в Москве знали – жив еще обер-полицмейстер Александр Власовский, и не только жив, но и продолжает в своей должности исправно нести службу, как и полагается государственному служащему в большом офицерском звании. А далее – как Бог даст...

Вот выискался и первый нарушитель. Извозчик с номером сорок четыре на спине. Едет по самой середке, будто он один на дороге. А ведь велено было строжайше: держаться правой стороны. На карандаш его, бестию! А покудова:

– Сто-о-ой!

Голос у Власовского зычный, такой, что все прохожие оглядываются, а некоторые даже вздрагивают. Знать, рыльце в пушку, коли окрика полицейского пугаются. Ничего, господа хорошие, и до вас доберемся, поскольку не дремлет бдительное обер-полицмейстерское око и все примечает.

– Ты пошто, скотина, посередке улицы едешь?

– Дыкть, это, господин...

– Молчать, плут! Сегодня же явишься в свой участок для уплаты штрафа! Рупь с полтиною, скажешь, на меня, мол, господин обер-полицмейстер наложил за нарушение проезда...

– Дыкть, господин обер-полицмейстер, я ж этого...

– А будешь противиться – в каталажку упеку! У меня с этим скоро! Понял меня?

– Дыкть, это, по-онял... Как не понять...

– Смотри, проверю...

И дальше по Москве, рысью! Порядок блюсти.

Это что? Обертки конфетные подле парадной?

– Чей дом, кто здесь дворник?

– Я дворник, – откликается немолодой татарин.

– Ты дворник? Пошто тротуар перед домом не убран, морда?

– Вщера убран. Сёдни убран.

– Как это – убран? Где – убран? А это что за фантики конфетные? Откуда они? С неба свалились? А, по мне, хоть и с неба. Валяются фантики?

– Валятся. Девки бросал. Минута назад не был.

– Не было минуту назад? А может, не минуту, а полный час они тут уже валяются? И разве тебе только по утрам надлежит убираться? Тебе полные сутки надлежит убираться и за чистотою вверенного участка следить! Немедля явишься в свой участок и заплатишь трешницу штрафу! Мол, обер-полицмейстер наложил...

– Много, хосяин.

– Много? Ах, так ты спорить! Недовольство, стало быть, проявляешь?! Власти законной противишься?! Пять рублей заплатишь, коли противишься. Как зовут?

– Сайфулла.

– Ступай-ка, Сайфулла, прямиком в участок. А коли не сходишь – в арестантский дом определяю, потому как сам, самолично проверю, ходил ты в участок или нет, и отдал ли штраф или только пообещал. Понял меня, морда твоя стоеросовая?! Что молчишь? Понял?

– Как не понять.

– То-то...

И так – до самого вечера. А ночью – проверка околоточных да городских. Чтоб не спали. Чтоб на своих положенных местах находились непременно. Чтоб службу несли бдительно и неукоснительно, как Устав полицейской службы каждому чину полицейскому прописывает.

В пятом часу пополуночи только и вернулся. Супружница давно спала, экономка тоже.

Александр Александрович пошарил на кухне. Нашел пирог с кашею и печенкой гусиною. Съел едва не половину. Врачеватели сказывают, под самый сон плотно есть – здоровью вредить. Дескать, желудок тоже отдыхать должен, и загружать его ночью не следует. Как и выпивать по ночам тоже весьма вредно. Но то сказывают, а тут – реальность. Две стопочки очищенной хорошо под пирог пошли. За ними следом – и третья. Ну, и отпустило. Весь день и вечер как пружина собран – как еще слабину организму и мозгам дать? Только пищею да водочкой...

Обер-полицмейстер лег спать у себя в кабинете, не раздеваясь, поскольку в половине восьмого должен быть непременно на ногах: в четверть девятого надлежит в управе рапорты от полицмейстеров принимать, что там у них в отделениях за истекшие сутки произошло и какие надлежащие меры для устранения законопреступлений и иных нарушений порядка и благочиния ими были приняты.

Уснул Власовский не сразу – донимали всяческие невеселые мысли. К примеру, кого назначат на его место, когда с должности попросят? И как скоро это произойдет. Его помощника Рудакова? Сомнительно. Вроде бы тот тоже не шибко отличился в лучшую сторону при событиях на Ходынском поле. Нет, не светит Рудакову обер-полицмейстерское место. Может, полковника барона Будберга? Так Андрей Романович тоже судебными да прокурорскими чинами мурыжится по делу о ходынской трагедии. Так что и ему не бывать покудова обер-полицмейстером московским. Солини? Вполне вероятно. При дворе примелькался, в Ходынском деле не замаран, генерал-губернатор к нему благоволит. Впрочем, какое его, полковника Власовского, дело, кого назначат обер-полицмейстером? Да никакого!

* * *

Обед, как обычно, принесли в половине третьего из «Эрмитажа», что стоял, как было известно всем москвичам, на углу Трубной и Петровского бульвара. Семь блюд, в том числе и знаменитый салат покойного Люсьена Оливье из двух рябчиков, телячьего языка, раков и паюсной икры, дымились паром в кастрюльках, салатницах, рыбницах и глиняных горшочках. Как все эти яства уместились в утробе обер-полицмейстера, не отличающегося ни ростом, ни дородностью, ведает лишь сам Господь, однако втиснулись, причем Сан Саныч не приобрел форму шара и не раздулся до размеров небольшого слоника. Даже живот не округлился, что и вовсе являлось чудом. В общем, он выглядел таким, как и прежде.

После обеда последовал отдых до шести вечера, опять-таки на диване и не раздеваясь. Служба у полицейских чинов такая – могут истребовать в любую минуту, так что раздеваться-одеваться некогда. Бывают случаи, когда на счету каждая минута, особенно ежели пожар или смертоубийство важного человека, когда личное присутствие обер-полицмейстера при дознании если и не обязательно, то непременно желательно. У графа Виельгорского был не пожар и, как он надеялся, не смертоубийство, поэтому, зная по-соседски привычки полковника

Власовского, он заявился к нему в четверть шестого, когда обер-полицмейстер, оправившись от послеобеденного сна, должен находиться уже на службе, иначе сказать, у себя в кабинете.

Так оно и случилось. Когда Виктор Модестович вошел в кабинет Власовского, тот был уже погружен в работу. Александр Александрович, часто макая ручку в чернильницу, что указывало на кипевшее у него внутри возмущение и негодование, писал приказ по полицейскому управлению, то есть на все сорок участков Москвы:

«Сего дня, шоня второго числа одна тысяча восемьсот девяносто шестого года, около четырех часов утра, околочный Петровско-Разумовского участка Шандыбин отказался отпартировать мне о состоянии дел на участке, поскольку, отстегнувши шапку, которую легко можно было у него изъять злоумышленным способом, спал, улегишись верхней частью тела на стол...»

Указав графу на кресло у стола, Власовский в очередной раз обмакнул перо ручки в чернила и дописал:

«Считаю действия околочного надзирателя Степана Григорьева Шандыбина вопиющими в смысле отношения к своим обязанностям блюстителя законпорядка и налагаю на него штраф в размере месячного довольствия. При повторении подобного нарушения околочный Шандыбин будет отправлен в отставку в принудительном порядке с записью в его послужной список.

Обер-полицмейстер г. Москвы полковник А. А. Власовский».

Расписавшись, Александр Александрович промокнул написанное и поднял глаза на Виельгорского:

– Слушаю вас, Виктор Модестович.

– Он приехал, – скорее доложил, нежели произнес обычным тоном Виельгорский.

– Кто? – поднял брови Власовский и тут же вспомнил, о ком идет речь. – Ваш управляющий имением Павловское, я так понимаю?

– Да, – подтвердил граф.

– Это хорошо, – отложил приказ в сторону обер-полицмейстер. – Вы уже разговаривали с ним?

– Ну, так, в общих чертах, – как-то неопределенно ответил Виктор Модестович.

– Что значит – «в общих чертах»? – посмотрел на графа Власовский. – Вы проверили отчетность?

– Проверил, – не очень твердо сказал Виельгорский. – Все как будто бы в порядке.

– Как будто или в порядке? – переспросил Александр Александрович чуточку раздраженно. Его всегда раздражала неопределенность в ответах. А точнее, даже злила...

– В порядке, – заверил его граф Виельгорский.

– А спрашивали, когда ваш главноуправляющий уехал из имения? – строго посмотрел на Виктора Модестовича обер-полицмейстер.

– Да, – ответил граф.

– И что он сказал?

– Он сказал, что седьмого мая.

– Кто это видел, вы поинтересовались? – задал новый вопрос Александр Александрович.

– Да, – ответил граф.

– И что же он вам ответил?

– Он ответил, что он сам может это подтвердить. Еще лодочник, который перевозил Попова через Павловку...

– Павловка – это река? – уточнил Власовский.

– Да, – ответил Виктор Модестович. – А потом главноуправляющий сел на поезд до Москвы на станции Ряженка.

– А где он жил, ваш главноуправляющий? – задал вопрос обер-полицмейстер.

– Он снимал меблированные комнаты с пансионом в Малом Власьевском переулке. Знаете, такой особнячок с мезонином...

– Владелец этих меблирашек Яков Шибуньский? – припомнил имя хозяина дома Власовский. Он частенько заезжал в тихие арбатские закоулки, вследствие этого знал владельцев особнячков наперечет.

– Кажется, да, – неуверенно ответил Виктор Модестович.

– Что ж, – проговорил Александр Александрович. – Первоначальную информацию по вашему делу я получил. – Теперь мне надлежит самому побеседовать с этим вашим управляющим... как его?

– Козицкий, – охотно подсказал Виельгорский.

– Именно. Вы знаете, где он сейчас находится?

– Конечно... – Граф немного стушевался, что, конечно, не ускользнуло от внимания обер-полицмейстера.

– У вас еще что-то ко мне есть?

– А вы намерены сами заниматься моим делом? – глядя мимо Власовского, спросил Виктор Модестович.

– А почему нет? Вы же сами этого хотели? – немного удивился Александр Александрович.

– Может, поручите мое дело кому-нибудь иному? – продолжал смотреть мимо обер-полицмейстера Виельгорский.

– Да отчего же? – не понимал неловкости графа Александр Александрович.

– Ну, может, вы будете слишком заняты...

– Вы о чем, граф? – удивленно поднял брови Власовский. – Я всегда занят. Но ваше дело непосредственно касается нашего ведомства. Пропал человек, и мы обязаны его отыскать. Или найти причину его столь неожиданного исчезновения...

– Прошу покорнейше извинить меня, но... я слышал, что у вас неприятности в связи с этой... ходынской трагедией, – тихо ответил Виктор Модестович. – Вот я и подумал, что, возможно, у вас не будет хватать времени на расследование пропажи моего главноуправляющего...

– Ах, вот в чем дело, – усмехнулся Александр Александрович. – Спешу вас уверить, что ваше беспокойство совершенно напрасно. Я изыщу время для исполнения моих служебных обязанностей, как бы меня... ни отвлекали какие-либо посторонние... занятия. И куда я нахожусь в должности обер-полицмейстера Москвы, я буду исполнять ее в полной и должной мере, можете не сомневаться...

– Да я и не сомневаюсь, Александр Александрович, – чувствуя себя виноватым, едва не всплеснул руками Виельгорский. – Просто мне, признаюсь, неловко... обращаться к вам со своими проблемами, когда у вас полно проблем своих...

– Еще раз отвечаю вам, милейший граф, – произнес обер-полицмейстер, ничуть не лукавя, когда назвал Виельгорского «милейшим», – что вы отнюдь не должны чувствовать никакой неловкости. Сегодня же я открою ваше дело по всей юридической форме. И можете не сомневаться, никакие обстоятельства не позволят мне отнестись к нему халатно или без должного внимания. Если ваш главноуправляющий жив – мы его отыщем, пусть даже он проживает ныне на Африканском континенте. Если же его уже нет в живых, – развел он руками, – мы отыщем виновника и накажем злодея по всей строгости российских законов. Возможно, мы отыщем и ваши деньги. На это нужны лишь время и терпение...

– Благодарю вас, Александр Александрович, и еще раз прошу вас покорнейше меня извинить...

– Вам не в чем извиняться, – заверил Власовский собеседника. – Итак, где сейчас этот Козицкий?

– У меня, – просто ответил граф. – Чай пьет.

Власовский нажал кнопку звонка.

– Слушаю? – мгновенно появился в дверях дежурный офицер.

– Капитан, проследуйте сейчас вместе с графом Виельгорским до его дома и приведите оттуда некоего управляющего именем господина Козицкого. Цели привода покудова ему не открывайте, скажите, что с ним желает побеседовать московский обер-полицмейстер.

– Слушаюсь.

– Ступайте, капитан.

– Не знаю, Александр Александрович, как вас и благодарить, – смущенно произнес Виктор Модестович, поднимаясь с кресла. – Буду надеяться, что ваши неприятности окажутся не столь трудными и вскоре пройдут, как утренний туман.

– А вы, оказывается, поэт, батенька. Ну, дай-то Бог, – ответил Власовский, совсем не разделяя надежды любезного графа...

Глава 5

Дознание, или Знающие люди умеют отличить правду от лжи

Вечер 2 июня 1896 года

Полицейский офицер не явился неожиданностью для Самсона Николаевича Козицкого. Он уже понял по расспросам графа, что тот обеспокоен исчезновением своего главноуправляющего и, главное, тем, что Попов исчез вместе с деньгами. Козицкий был человеком практическим, поэтому полагал, что граф Виельгорский расстроен более всего утратой денег, нежели пропажей живого человека. Словом, господин Козицкий судил по себе. Впрочем, мы все в той или иной степени судим по себе, и в этом-то заключается наша наиглавнейшая ошибка, а порой и глупость...

– К господину полицмейстеру? – переспросил Самсон Николаевич у посыльного, допивая вторую чашку чая. – Отчего же нет, – спокойно добавил он, – коли они меня ждут-с. Идемте.

Произнеся эти слова, Козицкий немного осуждающе посмотрел на графа, и Виктору Модестовичу стало снова немного неловко. Вот она, беда российской интеллигенции: им всегда неловко. Неловко просить. Еще более неловко – требовать. Неловко назвать глупца дураком и неловко дать сдачи, когда ударили по щеке. Отсюда, милостивые судари, разброд и шатания в ее рядах, а зачастую и неопределенность в политических взглядах. А она (упаси Боже!) может довести и до худшего: противуправительственных настроений. Далее уж и некуда...

Когда дежурный офицер и Козицкий поднялись на второй этаж «Дома московского обер-полицмейстера» и, постучавшись, вошли в кабинет, полковник Власовский в глубокой задумчивости смотрел в окно. Его одолевали мысли о собственной судьбе – что же с ним будет далее, и неужто ему не дадут дослужиться до генерала с пенсионом в три с половиной тысячи в год. Это более чем профессорское жалованье позволило бы прикупить домик в Замоскворечье и жить в собственное удовольствие, ведь ему нет еще и полных пятидесяти четырех лет.

А вдруг отдадут под суд? Что тогда? Лишение чинов и состояния... о худшем не хотелось и думать. Нет, не может такого быть! Матушка-императрица не даст его в обиду, заступится за него перед государем. Да и великий князь, пожалуй, замолвит словечко перед государем императором, потому как, если его, обер-полицмейстера Власовского, признают виновным по суду, стало быть, судить надобно и генерал-губернатора. А это родной дядюшка государя. Император Николай Александрович суда над ним не допустит, поскольку скандал может выйти резонансным. На всю Европу прогремит! А то и до Северо-Американских Соединенных Штатов докатится. Подобного скандала дом Романовых попытается избежать всеми силами, пусть даже он и будет проходить под девизом: «У нас в России перед законом все равны, и неотвратимого наказания не избежать ни крестьянину, ни князю».

Ан нет, великий князь уже избежал наказания и даже более того, вскоре был всемилостивейше и с благодарностью пожалован, несмотря на то, что за ходынской трагедии был ответствен более всех обер- и просто полицмейстеров, а также прочих чиновников Министерства Императорского Двора, поскольку исполняет должность генерал-губернатора Москвы.

Там, в Европах, случись подобная трагедия, так должностные лица сами с себя обязанности складывают и в отставку уходят, поскольку либо совесть, либо общественное мнение занимать им далее подобную должность не позволяют. В России такая практика отсутствует... «Вот так, господа, – думал Власовский, – не равны у нас все перед законом. Никогда такого не было в России и, надо полагать, не будет». А его, обер-полицмейстера Власовского, скорее всего, уволят с должности «без прощения». Стало быть – все, конец карьеры! Не видать ему

генерал-майорского чина как собственных ушей... Но начатые дела он всенепременно доведет до конца, таким уж он уродился.

– Господин полковник, ваше приказание выполнено, – отчеканил капитан. – Разрешите идти?

– Ступайте, – не оборачиваясь от окна, произнес Александр Александрович. – А вы, господин Козицкий, присаживайтесь к столу, – тут обер-полицмейстер обернулся и вонзил столь острый взгляд в управляющего имением Павловское, что Самсона Николаевича пронзил противный холодок. Казалось, что Власовский видит всего его, и сквозь него, и еще далее на три аршина в землю под ним...

– Благодарствуйте, – только и смог сказать управляющий.

Появился канцелярский секретарь. Он потихоньку, едва не на цыпочках, прошел за отдельный столик в углу обширного обер-полицмейстерского кабинета, достал из кожаного портфеля с двумя большими защелками стопочку бумаги, ручку с длинным металлическим пером, скляницу-непроливашку с чернилами; все это аккуратно разложил на столе и надел сатиновые нарукавники, – дескать, готов к исполнению обязанностей.

Александр Александрович неторопливо, по-хозяйски прошел к своему креслу, сел, поерзал, устраиваясь удобнее, и снова вонзил свой взгляд в Козицкого.

– Я позвал вас сюда, – официальным голосом начал Власовский, – дабы провести дознание по делу о пропаже главноуправляющего имениями графа Виктора Модестовича Виельгорского господина Попова. Вы привлечены к дознанию в качестве свидетеля и обязаны отвечать на все вопросы правдиво, без лжи и злонамеренности увести дознание в сторону. Предупреждаю, что дача ложных свидетельских показаний, равно как и сознательный увод дознания и, соответственно, следствия по данному делу, является нарушением закона и карается вплоть до заключения в арестантский дом и высылки в арестантские роты. Вам это понятно?

– Да, – кивнул Козицкий.

– Тогда начнем...

С этими словами обер-полицмейстера секретарь быстро окунул перо в чернила и застыл над чистым листом. А Власовский задал первый вопрос:

– Ваше имя и фамилия?

– Самсон Николаевич Козицкий.

– Происхождение? – задал следующий вопрос обер-полицмейстер.

– Из мещан Тамбовской губернии, – ответил Козицкий.

– Ваш возраст?

– Тридцать шесть лет.

– Вероисповедание?

– Православное, – столь же уверенно отвечал Козицкий. Вопросы были несложные.

– Национальность?

– Русский, – немного помедлив, ответил Самсон Николаевич.

Обер-полицмейстер кинул взор в сторону секретаря: успевает ли?

Секретарь едва кивнул, похоже, успевал.

– Как давно вы служите управляющим у господина Виельгорского? – продолжил задавать вопросы полковник Власовский.

– Два года без малого, – ответил Козицкий.

– Сколько вам граф положил жалованья? – поинтересовался Александр Александрович, внимательно наблюдая за управляющим.

Тот вскинул голову:

– Понимаете, господин обер-полицмейстер, – замялся Самсон Николаевич, – этот вопрос находится в сугубо конфиденциальной плоскости, и мне бы не хотелось, чтобы мои договорные обязательства были бы нарушены мною в отношении к господину графу, поскольку...

– Довольно! – не дал договорить управляющему Власовский. – Мне известно, в какой плоскости находится данный вопрос, но все же попрошу вас ответить, поскольку вы обязаны, как свидетель, отвечать на любые задаваемые мною вопросы. Кроме того, далее этого кабинета ваши доверительные сведения не распространятся, смею вас уверить.

– Но вы же записываете мои показания, – нахмурившись, посмотрел в сторону секретаря Козицкий.

– Записываем, – согласился обер-полицмейстер. – Для порядка. Однако читать их буду только я... Итак, – весьма безапелляционно продолжил задавать вопросы обер-полицмейстер, – какое годовое жалованье вам платил за службу управляющего граф Виельгорский?

– Триста пятьдесят рублей, – неохотно ответил Козицкий.

– Хм, – немного удивленно посмотрел на Самсона Николаевича Власовский. – А вам не кажется, господин управляющий, что это, скажем так... несколько маловато?

– Кажется, – почти с вызовом ответил Козицкий.

– Тогда почему же вы согласились? – задал вполне резонный вопрос Александр Александрович и снова вонзил свой острый взор в управляющего. Казалось, он вот-вот собирается разложить свидетеля на атомы и молекулы...

Всегда можно распознать, когда человек врет, а когда говорит чистую правду. Но незачем каждому знать тонкости дознавательского дела, ибо сразу отыщутся темные личности, которые научатся обманывать следователей и дознавателей, законослужителям это ни к чему. Кроме того, знание тонкостей поведения человека, его мимики, характер его жестов при вранье позволяют рядовому обывателю распознавать лжеца в своем начальнике или даже государственном деятеле, что может внести смуту в умы граждан Российской империи и нездоровый скептицизм и, как следствие, уронить доверие и почитание к высоким чинам и большим званиям.

Знания правил ведения допроса не лишние лишь сыщикам, дознавателям, судебным следователям и прочим представителям профессий, имеющим дело с человеческой природой, которая, как известно, бывает весьма изворотливой и лживой. Имеются даже инструкции (естественно, для служебного пользования), в которых четко и ясно показано, по каким таким физическим признакам можно определить, когда человек говорит неправду или лукавит.

К примеру, ежели человек при разговоре касается лица руками – тербит ухо, почесывает указательным пальцем правой руки шею под мочкой уха; трогает нос так и сяк, потирает веко, будто оно у него дергается, либо принимает позу глубокой задумчивости, прижав большой палец к щеке, или прикрывает ладонью рот – он, несомненно, лжет. Все эти жесты указывают на подспудную и затаенную боязнь оказаться разоблаченным во лжи. Дознавателю остается только сделать правильный вывод.

Если человек неуверенно стоит перед собеседником, переминается с ноги на ногу, делает шаги в сторону или назад да еще передергивает при разговоре плечами – этот человек также лжет. Знай это, судебный следователь!

Можно определить, говорит человек правду или нет, по тому, как он смотрит на собеседника (или не смотрит). Если взгляд человека погружен в себя, вовнутрь, в собственную память, а губы при этом поджаты – все то, о чем он через несколько мгновений поведаст, сушая правду. Но ежели мужчина время от времени поглядывает в пол, а женщина бросает взгляды в потолок, то, скорее всего, собеседники – беззастенчивые лгуны. Во время разговора они то и дело бросают взгляды на собеседника, как бы проверяя и желая убедиться, верят ему или нет, сообщая при этом массу подробностей, знание которых от них не требуется. Если у говорящего глаза разбегаются в разные стороны – это вернейший признак того, что не стоит верить ни единому его слову...

Бывает, что ложь вызывает у говорящего некий зуд. Отсюда разнообразные почесывания и выступление пота, а еще теребление воротничка, который словно покалывает шею лжеца. А может, и правда покалывает.

Еще наблюдательный и подготовленный к проявлениям лжи человек заметит, что у говорящего неправду появляется в лице некая асимметрия. Вернее, наоборот, при появлении в лице симметричного несоответствия можно сделать вывод, что человек вам лжет. Это говорит наука физиогномика, которой дознаватели и судебные следователи в большей или меньшей мере владеют. Либо эти знания получены многолетней практикой, что ничуть не хуже знаний теоретических. Если на лице собеседника один глаз становится вдруг меньше другого, левый уголок рта ползет в улыбке, а правый неподвижен, либо одна бровь невольно приподнимается над другой, собеседник явный лжец. Чтобы уличить собеседника во лжи, достаточно неожиданно переспросить его, о чем он только что говорил, и если тот не выучил текст наизусть, так он станет отвечать несколько иначе или попросту запутается.

Обер-полицмейстер Власовский знаниями ведения допроса владел едва ли не в совершенстве, а поэтому когда буравил Козицкого взглядом, то просто пытался определить, врет тот ему в чем-либо или нет. Но покамест управляющий имением Павловское не трогал свое лицо, не ерзал на стуле, не чесался и не потел, и в его лице не наблюдалось никакой асимметрии...

– Мне очень нужно было это место, – просто ответил управляющий и посмотрел прямо в глаза обер-полицмейстера: – И деньги. А граф Виельгорский обещал заплатить, так сказать, подъемные в размере месячного жалованья.

– Ясно, – подытожил первую часть дознания Александр Александрович. – А теперь, сударь, давайте вспомним события почти месячной давности. Когда к вам приехал с ревизией главноуправляющий имениями графа Виельгорского господин Попов?

– Шестого мая, – без запинки ответил Козицкий.

– Сколько у него к тому времени было с собой денег? – спросил Власовский и стал следить за реакцией управляющего имением. Однако ничего особенного покуда не происходило. Козицкий как приклеенный сидел на своем месте и не выказывал никаких признаков беспокойства...

– Я не знаю.

– Что, и не поинтересовались даже? – спросил Александр Александрович.

– Нет, – кажется, несколько удивленно ответил управляющий. – Зачем мне это знать? Все равно эти деньги не мои...

Он улыбнулся одним уголком губ. Это немного насторожило обер-полицмейстера.

– Все так... А вы сколько отдали ему денег?

– Восемь тысяч, – ответил Козицкий. – Весь годовой доход от имения Павловское.

– Это много или мало? – поинтересовался Власовский ради общей картины дела.

– Мало, – снова посмотрел прямо в глаза полицмейстеру Самсон Николаевич. – По моему мнению, имение могло бы приносить доход тысяч двенадцать, а то и все пятнадцать.

– Но вы же управляющий, – резонно заметил обер-полицмейстер. – Доложили бы об этом графу, устроили бы дела соответствующим образом, чтобы имение приносило больший доход, и его сиятельство непременно повысил бы вам жалованье. Не так ли? – добавил Сан Саныч и сделал глаза чуть удивленными: это же, мол, и ребенку ясно.

– Не уверен, – опять усмехнулся одним уголком губ Козицкий. Очевидно, такая усмешка была просто привычкой управляющего, и принимать ее во внимание, лжет он или говорит правду, скорее не следовало бы. – Граф, как мне кажется, вообще скуповат на деньги...

– Признаюсь, у меня такого мнения не сложилось, – раздумчиво ответил Власовский. – Он скорее ничего не смыслит в деньгах и просто не знает им счета. Он затруднится ответить, если его спросят, сколько у него на данный момент в портмоне лежит денег. Это не говорит о скупости или прижимистости.

– Возможно, – не стал спорить управляющий.

Обер-полицмейстер понимающе кивнул: и то правда, спорить с крупным полицейским чином в его же кабинете, это, по крайней мере, неумно и весьма опрометчиво. И запросто можно даже собеседнику составить о себе предубедительное мнение, а господин Козицкий, похоже, был человеком очень осторожным и весьма неглупым...

– Хорошо... Главноуправляющий имениями графа Попов проверял отчетные экономические и бухгалтерские книги? – задал очередной вопрос Александр Александрович.

– А как же! – На лице Козицкого опять появилась кривоватая усмешечка. – Он всегда это делает, причем весьма досконально и придирчиво.

– И что, все было в порядке? – легко поймал взгляд управляющего имением полковник Власовский. Ему показалось, что на лице собеседника промелькнул то ли испуг, то ли удивление, и для себя он решил поинтересоваться, кто таков этот Самсон Николаевич Козицкий, чем он занимался прежде и чем дышит сегодня. Весьма интересный господин... Но с последним вопросом следовало разбираться на месте, а именно в Павловском, но ехать туда обер-полицмейстеру, во-первых, было не по чину, во-вторых, его власть так далеко не распространялась, а в-третьих, его отъезд в Москве могли счесть за бегство, принимая во внимание его положение подследственного по делу о ходынской трагедии. Показать же, что он, грозный и неприступный обер-полицмейстер древней столицы, полковник Власовский, чего-то испугался, было никак нельзя. А вот снестись с тамошним уездным исправником, чтобы тот на месте разобрался с тем, что собой представляет этот господин Козицкий, – непременно следовало.

– Конечно, в порядке! – с некоторым вызовом ответил Самсон Николаевич. – Он проверил всю мою документацию, взял деньги и уехал.

– Ясно. – Полковник перевел взгляд на окно и как бы ненароком спросил: – А в котором часу шестого мая приехал в Павловское господин Попов?

– Утром, – ответил Козицкий и как-то странно посмотрел на обер-полицмейстера.

– Значит, он посмотрел бухгалтерские бумаги, принял от вас деньги, а дальше?

– Уехал, – просто ответил Козицкий.

– Но он уехал седьмого мая, ведь так? – быстро спросил Александр Александрович.

– Именно, – подтвердил управляющий имением.

– А почему не того же дня, шестого мая? – спросил обер-полицмейстер. – Что его задержало в Павловском, какие-то обстоятельства?

– Понятия не имею, – ответил Козицкий и тронул мочку уха. – Может, устал и решил отдохнуть?

– Возможно, – немного насмешливо произнес Александр Александрович, отметив для себя жест Козицкого как наиболее характерный для человека лгущего. «Надо непременно проверить этого Самсона Николаевича, включая его подноготную, – снова подумал обер-полицмейстер. – И почему он врет в таком простом вопросе?»

Обер-полицмейстер глянул на секретаря, занятого своей работой, потом снова перевел взгляд на управляющего имением Павловское. Козицкий сидел свободно и даже как-то расслабленно на первый взгляд, но вот руки... Руки у него были напряжены, и он ими крепко держался за подлокотники. Отчего?

– А где Попов обычно останавливается, когда приезжает в Павловское? – задал новый вопрос Власовский. Здесь говорить неправду Козицкому было не резон, поэтому обер-полицмейстер ослабил свое внимание.

– В главной усадьбе. Там у него есть своя комнатка...

– А вы почему не живете в главной усадьбе? – поинтересовался Александр Александрович.

– Не знаю, – пожал плечами Козицкий, и этот жест обер-полицмейстером также был отмечен. – Просто мне как-то с самого начала было удобнее во флигеле...

– После того, как главноуправляющий проверил бухгалтерские документы и принял от вас деньги, вы еще виделись с ним? – продолжал дознание Власовский.

– Конечно. Я проводил его утром до реки, – ответил Козицкий.

– До Павловки? – уточнил полковник.

– Именно.

– А дальше? – спросил Власовский.

– А что дальше? Дальше он сел в лодку и отплыл.

– И больше вы его не видели? – спросил Сан Саныч.

– Нет, не видел, – ответил Козицкий.

– Вы ведь знаете, что главноуправляющий Попов пропал? – снова стал буравить управляющего взглядом обер-полицмейстер.

Если бы Козицкий принялся сейчас говорить, что это его также удивляет и что он ума не приложит, куда делся Попов, честнейший, как он полагал, человек, но чужая душа потемки... Александр Александрович ему бы не поверил. И некоторое сомнение в искренности и честности управляющего именем Козицкого переросло бы в полную уверенность, что этот человек что-то скрывает, а стало быть, его надлежит брать под подозрение и строить версию в его причастности к пропаже Попова и денег. Но такого не произошло. Самсон Николаевич ответил однозначно:

– Да. – И добавил просто: – Мне об этом сказал господин Виельгорский.

– И что вы думаете по этому поводу? – задал вопрос обер-полицмейстер Власовский.

На что Козицкий снова пожал плечами и ответил:

– Ничего конкретного.

Собственно, на этом можно было заканчивать дознание...

– А вы не заметили, когда провожали Попова до реки, он был спокоен или, может быть, нервничал? Может, он что-то вам говорил? – все же задал такой вопрос Александр Александрович.

– Все было как обычно, – ответил управляющий. – Он не нервничал, ничего не говорил. Мы попрощались, и он уехал.

– А кто его отвез, что за лодочник?

– Его имя Яким. А больше я о нем ничего не знаю...

– Что ж, – подвел черту под разговором обер-полицмейстер. – На этом, пожалуй, мы и закончим.

– Я могу идти? – поднялся с места управляющий.

– Да, можете, – ответил Александр Александрович и заметил крохотные капельки пота на верхней губе Козицкого.

Власовский, похоже, и правда видел насквозь и еще на три аршина в землю, как говорили о нем злореды и недоброжелатели. Впрочем, лето нынче началось рано и развивалось бурно, будто бы сорвалось с цепи: несмотря на вечер, погода оставалась жаркой и душной. Да еще беседа с полицейским, состоявшаяся не по собственной воле, что само по себе не содействует успокоенности организма, даже, напротив, невольно приводит к волнению и способствует потовыделению. Из-за этих двух факторов, а вовсе не из-за лжи или сокрытия правды могли выступить капельки пота на губе управляющего. Так что какие-либо выводы делать преждевременно. Но проверить господина Козицкого «на вшивость» стоит...

Глава 6

Версия полковника Власовского, или Пустышка

Первая декада июня 1896 года

Исправник Рязанского уезда надворный советник Павел Ильич Уфимцев получил депешу от московского обер-полицмейстера Власовского вечером третьего июня. Прочел. Потом перечитал еще раз – более основательно и медленно.

Александр Александрович просил Уфимцева помочь в выяснении личности Самсона Козицкого в связи с пропажей главноуправляющего имениями графа Виельгорского Попова.

«Делать мне боле нечего, как московский полиции помогать», – так поначалу подумал Павел Ильич, что было обычным брюзжанием человека в годах: Уфимцеву на днях должно было стукнуть шестьдесят восемь. Конечно, в его возрасте можно было уже находиться в отставке, причем с полным пенсионом за более чем тридцатипятилетнюю выслугу лет, но стариканом Павел Ильич был еще бодрым и весьма деятельным, могущим заткнуть за пояс иных прочих уездных исправников, моложе его вдвое, равно как и станowych приставов, спящих и видевших себя на его месте.

Кроме того, немаловажное значение имел опыт – штука не сравнимая ни с чем, даже с юридическими университетскими знаниями. Годов десять-пятнадцать назад надворного советника Уфимцева не единожды приглашали перебраться в Рязань и занять должность помощника полицмейстера, однако Павел Ильич всегда отнекивался. Конечно, занять такую должность, да еще в губернском городе совсем недалеко от Москвы, значило сделать существенный шаг по карьерной лестнице, но Уфимцева это прельщало мало. В своем уезде он был единоличным начальником, а там, в Рязани, ему надлежало быть только помощником начальника. Да еще над этим начальником других начальников – уйма! Кроме того, он знал в своем уезде всех волостных старшин, всех сотских и десятских, не говоря уже об урядниках и станowych приставах, которые находились у него в непосредственном подчинении. Не зря говорят, что лучше быть первым на деревне, нежели незнамо каким в городе. Слава богу, приглашения на должность помощника рязанского полицмейстера прекратились (очевидно, Павла Ильича по возрасту уже перестали считать перспективным), ибо всякий раз Уфимцеву было неловко отказывать, как будто он делал какое-то бестактное дело или бессовестно врал. А врать уездный исправник не умел, да и не любил. Ибо опасался угодить в неловкую ситуацию, а то и запутаться, что не однажды с ним случалось по молодости лет, когда одновременно ухаживал за двумя, а то и за тремя дамами. Особенно неловко получается, когда называешь ее другим именем. Вот и приходится тогда краснеть и оправдываться.

Знал уездный исправник и всех фартовых в своем уезде, да и не только в своем. И, конечно, имел знакомство с людьми уважаемыми и значимыми: земскими судьями и заседателями, помещиками, их управляющими, прокурорскими чинами и судьями Окружного суда и предводителем дворянства Леонидом Матвеевичем Муромцевым, с которым находился в давней дружбе.

Малость поворчав, Павел Ильич еще раз прочел депешу московского обер-полицмейстера, и на сей раз его реакция на прочитанное была совершенно иной. Ибо одно дело поворчать и подумать, и совершенно иное – совершить действие...

«Конечно, – решил Уфимцев, – как не помочь товарищу по службе, коли тот просит. Без нужды московский обер-полицмейстер не стал бы обращаться к младшему по чину с нижайшей просьбой. А коли так, нужно посодействовать». Правда, мещанина Козицкого он знал шапочно. Виделись, кажется, разика два, когда Павел Ильич приезжал в село по служебной надобности, уж и не помнит, по какой именно. Особого впечатления павловский управляющий

на исправника не произвел, так себе... ни рыба ни мясо. Но такие и есть самые опасные: на первый взгляд, весьма простецкие, как бы «никакие», иначе – ничего собой не представляющие, а на поверку выясняется, что это самые скользкие ребята; такого возьмешь, да не ухватишь. Вот разве что за жабры. Однако чтобы хватать за жабры, нужны весьма веские основания.

Лицо у этого управляющего Козицкого вроде бы добродушное, взгляд – ясный. Лицо – а это Павел Ильич знал по опыту – говорит о многом. Физиономистом исправник Уфимцев хоть и не был (о такой науке хотя и слышал, да не ведал), однако за свои годы, проведенные в полиции, людей различать научился и про человеческие типажи знал не по ученым книгам, а по своей богатейшей практике. Так что лицо Козицкого никак не говорило о том, что он какой-то маниак или закоренелый законопреступник. А вот что у него в душе крылось – так, поди, разбери! Душа – это самая загадочная составляющая сущности человека, которая всегда имеет собственный цвет. Она может быть черной или белой, а еще бывает серой. Разглядеть черную душу можно без труда, ну, или почти без труда. Тем более человеку с таким полицейским опытом, каковой имелся у уездного исправника. Белую тоже несложно, потому что она вся на виду. Но вот как разглядеть душу серую? Которая вот-вот почернеет? Непростое это занятие...

И вот теперь для удовлетворения просьбы московского обер-полицмейстера надлежало разобраться, что у этого Козицкого за душой и какого она цвета. А далее предстояло ответить на вопрос: а не причастен ли управляющий Самсон Николаевич Козицкий к исчезновению Попова, которого Уфимцев хорошо знал и весьма уважал, поскольку чувствовался в нем крепкий стержень и человеческое и дворянское благородство. Да, муторная это работа и совершенно неприятная – копаться в человеческой душе, так как никогда не знаешь, что в ней лежит: сокрытый клад или мусорная свалка.

Подняли послужной список Козицкого: все вроде бы гладенько, лишь одно махонькое обстоятельство привлекло внимание уездного исправника. До принятия должности управляющего именем Павловское у графа Виельгорского Самсон Николаевич служил управляющим подмосковным имением господина статского советника Кирилла Михайловича Неелова, брата сенатора, тайного советника Максима Михайловича Неелова. Служил всего-то ничего – лишь восемь месяцев. Вот это и насторожило Уфимцева...

Почему так мало служил, всего-то меньше года?

Что именно Козицкого не устроило в службе? А может быть, как раз наоборот: статского советника Неелова что-то не устроило в Козицком? Наверняка должны быть какие-то факты, что помогут пролить свет на личность Козицкого? А может, и нет ничего. Ведь господин статский советник выдал Козицкому прекрасную рекомендацию, по которой тот был принят на службу графом Виельгорским. Поди тут разберись!

Итак, первое. Следует переговорить с самим статским советником Кириллом Михайловичем Нееловым. И второе. Надо провести опрос жителей села Павловское относительно личности и характера самого Козицкого. «Пожалуй, в село отправлюсь сам, – решил Уфимцев. – А насчет статского советника Неелова, пусть уж сам московский обер-полицмейстер с ним разговаривает, ему это сподручнее, поскольку Нееловы – жители исконно московские, какими по сию пору и являются».

Порешив таким образом, исправник Уфимцев отписал полковнику Власовскому: касательно установления личности и характера управляющего Самсона Козицкого он займется на месте сам, а вы, дескать, господин обер-полицмейстер, отыщите московского жителя, статского советника господина Кирилла Михайловича Неелова, и побеседуйте с ним на предмет краткости срока службы у него управляющим этого самого Козицкого. После суммирования двух результатов, мол, личность господина управляющего Козицкого должна быть прояснена вполне обстоятельно, после чего, скорее всего, наступит и ясность, что в отношении его надлежит предпринимать далее.

* * *

Версия эта пришла неожиданно. Некто тайный осведомитель Степан Кирюшкин, а с недавнего времени личный секретный агент помощника московского обер-полицмейстера полковника Руднева, в одном из донесений своему шефу написал, что третьего дня его знакомец Никита Осипчук, пришедший к своей даме сердца Клавдии Никандровне Кочкиной, проживающей в меблированных комнатах Шибуньского, что в Малом Власьевском переулке, пошедши за кипятком, слышал, как на кухне две кухарки перемывали косточки владельцу мебелирашек.

– Забогател наш Яша, – сказала одна кухарка другой. – Деньгами так и сорит.

– Да ты что? – удивилась другая кухарка. – Откуда у него деньги? С наших постояльцев, чай, шибко много не наживешь.

– Шибко не наживешь, – согласилась первая кухарка. – Однако же заиметь любовницу в Варшаве и ездить к ней, когда засвербит, денег у ево вполне хватает...

– Любовницу? В Варшаве? – ахнула и всплеснула руками другая кухарка. – Это ж сколько деньжищ надобно, чтоб ездить к ней, да еще содержать на всем готовом!

– И не говори, – продолжила первая. – А как ты думаешь, откуда у ево такие деньги взялись? С неба упали али как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.